

НАДЕЖДА НЕЛИДОВА

ЖЕСТОКИЕ
ПРАВЫ

СВЕКРУХА

Надежда Нелидова

Свекруха

Серия «Жестокые нравы», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18170815
мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Сын всегда – отрезанный ломоть. Дочку растишь для себя, а сына – для двух чужих женщин. Для жены и её мамочки. Обидно и больно. «Я всегда свысока взидала на чужие свекровье-невесткины свары: фу, как мелко, неумно, некрасиво! Зрелая, пожившая, опытная женщина не может найти общий язык с зелёной девчонкой. Связался чёрт с младенцем! С жалостью косилась на уныло покоровившихся, смиренных свекрух: дескать, раз сын выбрал, что уж теперь вмешиваться... С превосходством думала: у меня-то всё будет по-другому, легко, приятно и просто. Я всегда мечтала о дочери: вот она, готовая дочка. Мы с ней станем подружками. Будем секретничать, бегать по магазинам, обсуждать покупки, стряпать пироги по праздникам. Вместе станем любить сына...»

Содержание

ЧЕМОДАН-ВОКЗАЛ-КАВКАЗ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Надежда Нелидова

СВЕКРУХА

ЧЕМОДАН-ВОКЗАЛ-КАВКАЗ

...— Мы идём по тонкой дощечке над ручьём... Нет, по канату над горной рекой. На голове несём вазу. Одно неверное движение — ваза разобьётся... Бедро узко, изящно скользит вдоль бедра...

— Канатоходец с вазой на голове, прости господи, — это что-то новенькое...

— Ножка собирается сладострастно обвить другую ножку, но в последний миг обманывает её и упруго выносится вперёд. И-и — начали! — голос нашей руководительницы утрачивает лирические нотки, наливается чеканным металлом:

— Верхнюю часть туловища зафиксировали намертво. Закатали в гипс. В мрамор! В гранит! Никаких пошлых показаний плечами и спиной! Мысленно зажимаем между ягодицами вишенку — а лучше пятикопеечную монету, — командует она. — И па-ашли! Держим монетку в попе намертво, держим! Дробышко, за вами уже мешок мелочи можно собирать.

Руководительница с чудесным именем Эванджелина в отчаянии смотрит на наш гарцующий: кто во что горазд, кто во

лес, кто по дрова – табунчик:

– Эт-то что? Портовые девки отправились на промысел?! Дробышко, прекратите пыхтеть и изображать паровозные поршни! Вахрамеева, вы переваливаетесь, как утка, откормленная на фуа-гра! Это полный провал, девочки!

Возраст девочек 55 плюс. Самая почтенная среди нас – 82-летняя Терентьевна. Справедливости ради надо сказать, что очень пожилые ученицы сидят на скамеечке. Потешаются над нами, прикрываясь ладошками, трясутся в мелком старушечьем смехе. Вы не поверите: самой Эванджелине – без чего-то 50. Выглядит максимум на 32. И домашний телефон у Эванджелины: 90-60-90, вот!

Во дворе её ждёт бледно-розовая перламутровая «ауди». То ли Эванджелина красит ногти в цвет машины, то ли авто покупает в цвет ногтей. В прошлый раз лак на ногтях и краска на «шевроле» были тёмно-синие, с искрой.

Школа Эванджелины стоит бешеных денег. Сюда так просто не попасть, записываются в очередь. Для нашей ветеранской организации полугодовой абонемент за счёт городского бюджета выделил местный депутат и нувориш. Говорят, он любовник Эванджелины.

Вообще-то ветераны просили дневной стационар с бесплатным зубопротезированием и очищением организма по методу Неумывакина. Но нам предложили курс «Красивая походка». На безрыбье тоже неплохо.

«Походкой от бедра, с вишенкой в попе – прямиком на

кладбище. И памятник не надо заказывать: бюст отлит в гипсе, в мраморе, в граните», – угрюмо остроумничает Дробышко.

Между прочим, сама не пропустила ни одного занятия. Купила плюшевую пижаму для занятий и походит в ней на всклокоченного медведя. Говорят, курсанток школы «Красивая походка» мгновенно разбирают замуж. Дробышко очень хочет замуж. Ей 59 лет.

На курс красивой походки меня затащила Эльза. Я с ней познакомилась в «Энергосбыте». Из пяти операторских окошек, как всегда, работало одно. В вестибюле тяжёлым питоном змеилась сонная очередь.

Недалеко от меня худощавая седая женщина с озорным девчоночьим хвостиком проделывала странные телодвижения. Под музыку, судя по торчащим из ушей проводкам.

Трепетала руками, как крыльями, выписывала ногами полукружия. Вставала на цыпочки, по птичьи тянула худую шею. Народ на неё смущённо поглядывал и на всякий случай опасливо держался подальше. Вокруг странной женщины, как зачумлённой, образовался магический круг, так что она могла беспрепятственно и самозабвенно заниматься своей гимнастикой.

– Странные граждане, – заметила женщина. Она вынула из ушей проводки и оглядывалась, презрительно пожимая плечами. – Их не удивляет, что мы добровольно топчемся в

огромной очереди, чтобы отдать большущие деньги за электричество из нищих пенсий и зарплат. Но для них, видите ли, диво дивное, если женщина в очереди не теряет нервы и время, а занимается собственным здоровьем. Парадокс.

Я сразу поняла, что мы с ней подружимся. Эльза не так давно пережила драму: чёрные риэлторы оставили её без квартиры. Увезли в лес, щекотали шампурами, разводили огонёк, обещали подкоптить старые косточки. Потом отпустили, а она всё равно не струсилась и начала войну за квартиру.

– И тебе её не вернули?!

– Нет. *Там же все повязаны.*

Дальше происходит очевидное – невероятное. Анонимный благотворитель видит по телевизору сюжет о свежееиспечённой бомжихе, бывшем заслуженном враче Эльзе, и дарит ей квартиру! Она когда-то вырезала ему аппендицит. Вот бы все богатые заботились о спасении души.

После занятий самые древние старушки расползаются по домам. Мы, молодняк, по традиции идём в торговый центр «Папуасское счастье».

Нет, конечно, у ТЦ другое, красивое иностранное название. «Папуасским счастьем» мы называли его за витрины, густо увитые бусами и увешанные побрякушками. За подсвеченные вращающиеся полочки с разноцветными стекляшками и фальшивыми камушками. За зеркала и зеркальца,

умножающие магазинное великолепие, заставляющее его переливаться и слепить глаза...

Любой папуас от этой невыносимой красоты замычит, задёргается, впадёт в транс – и потащит в обмен на стекляшки и бусы – золото, алмазы, нефть, газ... Ой, про нефть и газ с языка сорвалось. И разрешит хоронить в своём острове радиоактивные отходы.

В полуподвале торгового центра есть маленькая кофейня. Там мы пьём кофе с булочками. У кого давление и холестерин – зелёный чай с соевыми пастилками. Обсуждаем «рождественскую» историю, приключившуюся с нашей курсанткой, милой кроткой Еленой Аркадьевной.

Родной сын в морозную декабрьскую ночь вывез её за город в машине и оставил в лесу: так злые хозяева избавляются от состарившихся собак и кошек. Потом вернулся, ткнул водочки и лёг спать в тёплую мягкую постель под бочок к жене.

– Всё нормально? – сонно пробормотала жена.

– Нормально, не волнуйся.

Всё шло по плану. Наутро заботливый сын должен был забить тревогу. Кинуть клич в соцсетях, привлечь полицию и волонтёров. Волноваться, сходить с ума и едва сдерживать скупую мужскую слезу, отвечая на расспросы корреспондентов. Беда-то какая: мама ушла в неизвестном направлении и не вернулась.

Замечательный план нарушил мелкий воришка, который

в ночную пору рубил новогоднюю ёлочку под самый корешок. Он и наткнулся на остекленевшую до звона Елену Аркадьевну. Тепло ль тебе, девица, тепло ль тебе, красная?

Город гудел. Сынок работал инженером на заводе и явно не бедствовал. Он у Елены Аркадьевны единственный, растила без отца, души не чаяла в своей кровиночке. Воспитание ребёнка – это как пройти между Сциллой и Харибдой: не перелюбить, но и не недолюбить. И уж если учительница Елена Аркадьевна не справилась...

Мы вдоволь перетёрли эту новость и примолкли, понурились, позвякивая ложечками в чашках. Радоваться или горевать, что мы одиноки? Кто-то схоронил недолговечных мужей, кто-то вообще не был замужем, и детей никому из нас не дал Бог...

– Нет, это не летящая походка – это коллективная пляска святого Витта! Передышка три минуты...

Эванджелина останавливает нас, раскрасневшихся, запыхавшихся. Ох, нелёгкая это работа: курс красивой походки. Наша учительница скидывает белую меховую пелеринку и показывает – как надо.

Маленькая головка застыла на лебединой шее. Фигурка как музейное изваяние. Движения мягкие, вкрадчивые, кошачьи. Ножки и упруго очерченный тазик живут отдельно от тела. С ума сойти!

На три вещи можно смотреть бесконечно: на огонь, на во-

ду и на походку Эванджелины. Если она на нас производит такое впечатление – что говорить о мужиках.

– Я бы сама её трахнула, – мрачно бубнит Дробышко. Эванджелина не подозревает, какие содомские, лесбийские настроения возбуждает в своей ученице. Она заученно щечечет:

– Вам не надо ходить в рестораны и в дискотеки, чтобы потанцевать. Улица – ваш ежедневный танцпол. Вы летите, как пух от уст Эола. Вы танцуете на ходу и радуетесь жизни. Вы самовыражаетесь через походку. Вы – центр притяжения и внимания Улицы. Вы – королева среди дёрганных, суетливых, замотанных бытом женщин!

Прощаясь, даёт домашнее задание: не забывать о красивой походке, не расслабляться ни на минуту. Идёте вы к холодильнику, кухонной раковине или в туалет, или на балкон с тазом белья – спина в мраморе, вишенка в попе, бедро в скольжении.

– Эдак штанов не напасёшься: сотрутсЯ до дыр меж ногами, – бубнит Дробышко.

– Никаких штанов, дамы, только – чулочки! – и руководительница, сделав ручкой, упархивает своей умопомрачительной балетной походкой. Одно слово – Эванджелина.

Чего больше всего страшатся пожилые люди? Думаете, смерти? Не-а. Болезней, беспомощности, зависимости, охлаждения со стороны близких.

– Повезло нефтяным старушкам, – бубнит Дробышко.

Нефтяные старушки – это не те, кто владеют приисками и скважинами. Это те, кто вышел на пенсию в тучные двухтысячные. У них пенсии с каждым годом потихоньку индексировались, пухли...

– Повезло, – бубнит Дробышко. – Вон, моя соседка. Родня на неё не надышится, не натрясётся. Три раза в день мерит давление, кормит детским пюре из баночек. Худо ли: 30 тысц пенсии в семейном бюджете...

Умеет Дробышко наводить тоску. Но как легко настроить нас друг против друга. Одним кинуть кусок чуть жирнее, другим поплоше. Разделяй и властвуй.

– Да ладно, – будто считывает мои мысли Эльза. – Сами-то мы как к свекровям относились?

Мы ещё ниже опускаем головы и ещё старательнее возим ложечками в чашках. На словах – да, семейная идиллия. Мы забрали свекровей к себе, что немедленно поставили себе же в великую, неоценимую заслугу перед вечно виноватыми мужьями. Их матери доживали в сытости, чистоте и тепле – это правда.

Вахрамеева, например, трогательно рассказывала всем, как она у свекрови ноги мыла и только что воду не пила. Омывала в тазике и осушала полотенцем, чтобы не было пролежней. Но однажды я присутствовала при сем священнодействии. Видела выражение лица Вахрамеевой и слышала, что она при этом цедила сквозь зубы... Лучше бы све-

кровь быстрее отмучалась и не купалась в этом океане ненависти.

Или Вера – идеальная дочь. Когда мама стала хворать, сразу продала её дом в деревне и перевезла к себе. У мамы деменция: она не узнает родных. Переживает, что дочка Вера совсем её позабыла и не навещает. Подворовывает сладости со стола:

– Дочка приедет – угощу.

– Мама, я и есть твоя дочка!

Вера закипает. Веру дико бесит забывчивость матери. В доме появился объект для раздражения. Нет, мама себя сама обслуживает и даже имеет по дому свои маленькие обязанности. Вытирает пыль, поливает цветы.

Но отныне единственная тема, на которую Вера неизменно съезжает во всех разговорах – это «чокнутость» матери и «ужас, если сейчас такое творится, что дальше-то будет?!» Рассказывая о причудах матери, выразительно крутит пальцем у виска. Она уже не зовёт её мамой, только «эта».

Вон, сегодня «эта» сходила мимо унитаза (начинается!) Включила и забыла зажечь под чайником газ. Приходится снимать и прятать газовый краник. Веру раздражает, если мама путается под ногами. Мама испуганно перестала выходить из комнаты. И это тоже раздражает Веру: «Прячется, как будто я фашистка какая».

Сердце у «этой» здоровое: значит, ужас будет тянуться десятилетия. Поневоле с умилением вспомнишь свекровь-сер-

дечницу. Та, голубушка, и сама не мучилась и других не мучила.

Ах, как важно уйти вовремя, чтобы не надоесть всем хуже горькой редьки, не оставить после себя раздражённых воспоминаний. Но выбор у нас небогатый: лопнет сосудик в сердце или в голове. Лучше, если в сердце: тогда сразу.

Так было, так есть и так будет. Думаете, в советское время было лучше? Пожалуйста: советский фильм «Белые росы». На предложение среднего сына соединить однушку и двушку, чтобы жить вместе в трёхкомнатной квартире, старый Федос отвечает: «Не хочу в грех тебя вводить. Смерти моей ждать будешь». Вот так. При всём уважительном отношении сына к папаше.

Короток женский век, как у подёнки. Вообще жизнь коротка: только вчера психовали из-за близких немощных стариков – а уже на пороге стеснительно топчется собственная старость. Как быстро вернулся бумеранг!

– Хорошо стариться в Америке, – вздыхает Вера. – Там не дома престарелых – а сказка.

– Не свисти, – это Вахрамеева. Она жила в Америке семь лет. – Там тоже разные дома престарелых. Там тоже всё зависит от денег.

– Хорошо стариться на Кавказе, – упрямо заходит на второй круг Вера. – Была бы там родня – и айда: чемодан-вокзал-Кавказ. Или хотя бы в Среднюю Азию. Там старость но-

сят на руках.

«У нас тоже, как на Востоке, уважают старость, – думаю я. – Пока она на ногах. Пока возится в огороде, закатывает банки, нянчится с внуками, тратит пенсию на любимых детей. Переписывает на них квартиры, машины, гаражи.

Как только старость обессилеет, сляжет и начнёт ходить под себя, – сыны и дочери немедленно вспоминают, что они никакой не Восток, а совсем даже наоборот: настоящая Европа. А в Европе, извините: дети сами по себе, родители сами по себе».

Сегодня у нас грустный повод собраться в «Папуасском счастье». От пневмонии скончалась Елена Аркадьевна: не прошла бесследно ночёвка под ёлочкой.

На похороны – вот чудо! – прибыла в своей перламутровой «ауди» Эванджелина. Возложила на могилку огромный букет синих гвоздик. Я видела, как у неё блестели слёзы на ресницах.

Узнав о планируемых маленьких поминках в подвальной кафешке, напросилась с нами. Наполнила крошечный полутёмный зальчик ароматом французских духов. Оглядывалась и говорила: «А здесь миленько». Заказала на всех водки, блинов, пирожков. О, мы узнавали Эванджелину с новой стороны!

Мы узнали её с новой стороны ещё больше, когда с непривычки и с холода все нечаянно набрались. И поминки (да

простит нас Елена Аркадьевна) сменили минорную тональность на истерично-весёлую.

Эванджелина рассказывала, как выживала в девяностые. Тогда её звали просто Эвочка, она сновала как челнок, между Турцией и Россией. Надрывалась, таская неподъёмные грязные, рваные баулы. Однажды ей предложили перевезти маленькие мешочки. Сказали: с чудодейственным травяным порошком, для целителя и мага. Вознаграждение равнялось годовому доходу Эвочки.

Два туго набитых тяжёленьких пластиковых мешочка формой были длинные и узкие, как колбаски. Наивная Эвочка не понимала, почему их нужно провозить тайно, в своём теле. И лишь когда благополучно пересекла таможду и от знающих людей узнала, что было в мешочках... И сколько бы за тот целебный порошок, по совокупности, огребла...

Эванджелина приподняла каштановую гриву, показала стильную седую прядь:

– Видите? Как мелом мазнули, с той поры никакая краска не берёт.

Дробышко интересовало, получила ли Эванджелина обещанную сумму.

– Да что вы! Заплатили какие-то копейки. Мол, если налажу конвейер – тогда полноправно войду в долю. Пригрозили, что пикну кому – это будет мой последний «пик». Зато, девочки, – она мечтательно закатила глаза, – какие непередаваемые ощущения, какой бесценный, малоизвестный в те

годы сексуальный опыт я приобрела, перевозя в себе те мешочки-колбаски... Две колбаски одновременно. Совместила приятное с полезным.

Мы тупо переглянулись. Первой неуверенно хихикнула Эльза. Потом дошло до Дробышко. Потом грянули хохотом мы все. Эванджелина наивно смотрела на нас, хлопая ресницами, как примерная школьница: дескать, что смешного-то?! Но снова у Эванджелины – или нам показалось? – блеснули влагой глаза.

Жизнь научила меня разбираться в людях. Я вижу: Эванджелина *настоящая*.

С этого дня она частенько коротает с нами время в «Папуасском счастье». Мы рассказываем Эванджелине всё-всё.

Про нефтяных старушек. Про Терентьевну, которой внук сломал руку, а она этой сломанной рукой отписала ему дом. Про подругу Дробышко, которая как только подарила племяннице квартиру, так и потонула в ванне. Хотя сердце имела завидное и давление 120 на 80 – хоть в космос отправляй. Про снегурочку Елену Аркадьевну. И даже – опустив глаза и тяжело вздыхая – про собственных свекровей и бумеранг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.